

Железный кулак за невидимой рукой

Кевин Карсон

2001

Оглавление

Вступление	4
Субсидия истории	6
Идеологическая гегемония	14
Денежная монополия	17
Патенты	21
Инфраструктура	26
«Военное кейнсианство»	29
Прочие субсидии	30
Политические репрессии	33
Заключение	36
Источники	37

Kevin Carson, The Iron Fist Behind the Invisible Hand.
Перевёл Citizen Ilya.

Вступление

Обычно считается, что манориализм был основан на грабеже и узурпации; правящий класс утвердился силой, а затем заставил крестьянство работать на благо своих господ. Но ни одна система эксплуатации, включая капитализм, никогда не была создана под воздействием свободного рынка. Капитализм был основан на акте грабежа, столь же массового, как и феодализм. До настоящего времени он поддерживается постоянным вмешательством государства для защиты системы привилегий, без которой его выживание немислимо.

Современная структура владения капиталом и организации производства в нашей так называемой «рыночной» экономике отражает принудительное вмешательство государства до и вне появления рынка. С самого начала промышленной революции то, что ностальгически называют «laissez-faire», на самом деле было системой постоянного государственного вмешательства для субсидирования накоплений, гарантии привилегий и поддержания трудовой дисциплины.

Большинство правых либертарианцев молчаливо считают это вмешательство частью «рыночной» системы. Хотя некоторые интеллектуально честные люди, такие как Ротбард и Гесс, были готовы изучить роль принуждения в создании капитализма. Чикагская экономическая школа и рэндройды [*Рэндройдами называют чрезмерно фанатичных последователей объективистской философии Айн Рэнд*] принимают существующие отношения собственности и классовую власть как данность. Их идеальный «свободный рынок» — это просто нынешняя система за вычетом прогрессивного регулирования и государства всеобщего благосостояния, т. е. баронский капитализм девятнадцатого века.

Но подлинные рынки имеют ценность для левых либертарианцев, и мы не должны уступать этот термин нашим врагам. На самом деле капитализм — система власти, в которой собственность и контроль отделены от труда — не может выжить в условиях свободного рынка. Как анархист-мютюэлист, я считаю, что экспроприация прибавочной стоимости — т. е. капитализм — не может происходить без государственного принуждения для сохранения привилегий ростовщика, землевладельца и капиталиста. Именно по этой причине рыночный анархист Бенджамин Такер — у которого правые либертарианцы выборочно заимствуют идеи — считал себя либертарным социалистом.

Я не могу и не ставлю перед собой цели описать мир, в котором истинная рыночная система могла бы развиваться без вмешательства государства. Мир, в котором крестьяне владели своей землей, собственность была широко распространена, капитал был свободно доступен рабочим через взаимные банки, производственные технологии были свободно доступны в каждой стране без патентов, и каждый народ мог свободно развиваться на местном уровне без колониального грабежа — находится за пределами нашего воображения. Но это был бы мир децентрализованного,

мелкомасштабного производства для локального использования, принадлежащего и контролируемого теми, кто выполняет эту работу — он отличался бы от нашего мира так же, как день от ночи или свобода от рабства.

Субсидия истории

Как следствие, самая крупная субсидия современному корпоративному капитализму — это субсидия истории, благодаря которой капитал первоначально аккумулировался в нескольких руках, а рабочая сила была лишена доступа к средствам производства и вынуждена продавать себя на условиях покупателя. Нынешняя система концентрированного владения капиталом и крупномасштабной корпоративной организации является прямым бенефициаром той первоначальной структуры власти и собственности, которая сохранялась на протяжении веков.

Для возникновения капитализма в том виде, в котором мы его знаем, прежде всего, необходимо было отделить труд от собственности. Марксисты и другие радикальные экономисты обычно называют этот процесс «первоначальным накоплением». *«Но капиталистическая система, наоборот, требовала именно рабского положения народных масс, превращения их самих в наемников и средств их труда в капитал»*. Это означало экспроприацию земли, *«на которую [крестьянство] имеет такие же феодальные права, как и сами феодалы»* [Маркс, «Экспроприация земли у сельского населения», глава 24, «Капитал», том 1].

Чтобы осознать масштабность этого процесса, мы должны понять, что права дворянства на землю при манориальной экономике были полностью феодальной юридической фикцией, возникшей в результате завоевания. Крестьяне, обрабатывавшие землю Англии в 1650 году, были потомками тех, кто занимал ее с незапамятных времен. По любым нормам морали, это была их собственность во всех смыслах этого слова. Армия Вильгельма Завоевателя, не имея иного права, кроме силы, заставила этих крестьян-собственников платить ренту за свою землю.

Джон и Барбара Хаммонд рассматривали деревню и систему открытых полей шестнадцатого века как пережиток свободного крестьянского общества англосаксонских времен с наложенным на него лендлордизмом. Дворяне рассматривали сохранившиеся крестьянские права как препятствие для прогресса и эффективного ведения сельского хозяйства; собственноручная революция была способом сломить сопротивление крестьян. Поэтому сельскохозяйственная община была *«разобрана на части [...] и перестроена так, как диктатор реконструирует свободное правительство»* [The Village Labourer, стр. 27-28, 35-36].

Когда Тюдоры передали экспроприированные монастырские земли дворянам, последние *«массами сгоняли с них наследственных субарендаторов и объединяли их владения в одно»* [Маркс, «Экспроприация земли у сельского населения»]. Эта украденная земля, примерно пятая часть пахотных земель Англии, стала первой крупномасштабной экспроприацией у крестьянства.

Другой крупной кражей крестьянской земли стала «реформа» земельного права, проведенная парламентом Реставрации семнадцатого века. Аристократия отменила феодальные владения и превратила свою собственность на землю, которая до этого

была «*всего лишь феодальным титулом*», в «*права современной частной собственности*». В процессе они отменили права владения копигольдеров. По феодальному праву копигольдеры были арендаторами де-юре, но как только они платили незначительную ренту, установленную обычаем, они могли продавать или завещать землю. По сути, копигольдное владение был поместным эквивалентом фригольда; но так как оно вытекало из обычая, то имело силу только в поместных судах. Согласно «реформе», арендаторы-копигольдеры становились арендаторами по своей воле, которых можно было выселить или взимать любую арендную плату, которую их лорд считал подходящей [Маркс, «*Экспроприация...*»].

Другой формой экспроприации, которая началась в эпоху позднего средневековья и резко усилилась в восемнадцатом веке, было огораживание, при котором, опять же, крестьяне общинно обладали таким же абсолютным правом собственности, какое отстаивают сегодняшние защитники «прав собственности». Не считая огораживаний до 1700 года, Хаммонды оценили их общее количество в восемнадцатом и девятнадцатом веках в шестую или пятую часть пахотных земель в Англии [*The Village Labourer*, стр. 42]. По оценкам Эрика Хобсбаума и Джорджа Руда, только в период между 1750 и 1850 годами в результате огораживаний «*примерно четверть обрабатываемой территории из открытого поля, общей земли, луга или пустыря превратилась в частные поля*» [*Captain Swing*, стр. 27].

Правящие классы рассматривали право крестьян на общинные земли как источник экономической независимости от капиталистов и помещиков, а значит, как угрозу, которую необходимо уничтожить. Огораживание ликвидировало «*опасный очаг неповиновения*» и заставило рабочих продавать свой труд на условиях хозяев. Артур Юнг, джентльмен из Линкольншира, описывал общины как «*рассадник „варваров“, воспитывающий вредную расу людей*». «*Все, кроме идиотов, знают — писал он — что низшие классы нужно держать в бедности, иначе они никогда не станут трудолюбивыми*». Журнал *The Commercial and Agricultural Magazine* в 1800 году предупреждал, что если оставить рабочему «*больше земли, чем его семья может обрабатывать по вечерам*», то «*фермер больше не сможет зависеть от его постоянной работы*» [Э. П. Томпсон, *The Making of the English Working Class*, стр. 219-220, 358]. Сэр Ричард Прайс прокомментировал превращение самодостаточных собственников в «*совокупность людей, которые зарабатывают себе на пропитание, работая на других*». «*Возможно, труда будет больше, так как к нему будет больше принуждения*» [Маркс, «*Экспроприация...*»].

Маркс приводил парламентские «акты огораживания» в качестве доказательства того, что коммуны, отнюдь не являясь «*частной собственностью крупных помещиков, занявших место феодалов*», на самом деле нуждались в «*парламентском перевороте [...] для превращения их в частную собственность*» [«*Экспроприация...*»]. Процесс примитивного накопления, во всей его жестокости, был подытожен тем же автором:

«*Эти новые вольноотпущенники [т.е. бывшие крепостные] лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями. И история этой их экспроприации вписана в летописи*

человечества пламенеющим языком крови и огня» [«Тайна первоначального накопления», глава 24, *Капитал*, том 1].

Даже тогда рабочий класс не был достаточно бессилен. Государство должно было регулировать движение рабочей силы, служить биржей труда от имени капиталистов и поддерживать порядок. Система приходского регулирования передвижения людей в рамках законов о бедных и законов о бродяжничестве напоминала внутреннюю паспортную систему Южной Африки или Черные кодексы. Это «произвело на английских земледельцев такое же действие, — писал Маркс, — как указ татарина Бориса Годунова на русское крестьянство» [«Экспроприация...»]. Адам Смит полагал, что в Англии «едва ли найдется бедняк сорока лет от роду [...] который в течение жизни не чувствовал бы себя наиболее жестоко угнетенным этим плохо продуманным законом о поселениях» [«Исследование о природе и причинах богатства народов», глава 10].

Государство поддерживало трудовую дисциплину, не позволяя рабочим «голосовать ногами». Трудно было убедить приходские власти выдать человеку свидетельство, дающее ему право переехать в другой приход в поисках работы. Рабочие были вынуждены оставаться на месте и торговаться за работу на рынке труда [«Исследования...», глава 10].

На первый взгляд, это может показаться неудобным для приходов, испытывающих нехватку рабочей силы [«Исследование...», глава 10]. Фабрики строились у источников водной энергии, как правило, удаленных от населенных пунктов. Тысячи рабочих нужно было привозить издалека. Но государство спасало положение, выступая в роли посредника, обеспечивая бедные рабочей силой приходы дешевым избыточным трудом из других мест, лишая рабочих возможности найти лучшие условия. Возникла значительная торговля детьми-рабочими, которые в любом случае не этого сделать сами [Хаммонды, *The Town Labourer*, стр. 146].

Пособие «редко выдавалось без прихода, претендующего на исключительное право распоряжаться по своему усмотрению всеми детьми человека, получающего пособие», говоря словами Комитета по приходским ученикам 1815 года [*Town Labourer*, стр. 144, 147]. Даже когда комиссары по Закону о бедных поощряли миграцию в бедные рабочей силой приходы, они не поощряли взрослых мужчин, и «предпочтение отдавалось „вдовам с большими семьями детей или ремесленникам [...] с большими семьями“». Кроме того, доступность дешевой рабочей силы намеренно использовалась для снижения заработной платы; фермеры увольняли своих собственных поденщиков и вместо этого обращались за помощью к надсмотрщику [*The Making of the English Working Class*, стр. 223-224].

Хотя теоретически Combination Laws (законы о рабочих объединениях) распространялись как на хозяев, так и на рабочих, на практике они не применялись в отношении последних [«Исследование...», глава 10], [*Town Labourer*, ч. 1, стр. 74]. «A Journeyman Cotton Spinner» — анонимный памфлетист, которого цитирует Э. П. Томпсон [*The Making of the English Working Class*, стр. 199-202] — описывал «отвратительную систему, существующую среди господ», в которой рабочие, покинувшие своих хозяев из-за разногласий по поводу заработной платы, фактически заносились в черный список. Combination Laws требовали от подозреваемых отвечать на вопросы под присягой, наделяли мировых судей правом выносить решение в порядке упрощенного

судопроизводства и позволяли конфисковывать деньги, накопленные для помощи семьям забастовщиков [Town Labourer, стр. 123-127]. А законы, устанавливающие максимальные ставки заработной платы, представляли собой навязанную государством систему объединения господ. Как сказал Адам Смит, «всякий раз, когда законодательная власть пытается регулировать различия между хозяевами и их рабочими, ее советниками всегда оказываются хозяева» [«Исследование...», глава 10].

Образ жизни рабочего класса при фабричной системе, с ее новыми формами социального контроля, был радикально оторван от прошлого. Он предполагал резкую потерю контроля над их собственной работой. Рабочий календарь 17 века все еще находился под сильным влиянием средневековых обычаев. Хотя между посадкой и сбором урожая были длинные дни, прерывистые периоды легкой работы и большое количество праздников в совокупности сокращали среднее рабочее время намного ниже нашего. Темп работы, как правило, определялся солнцем или биологическими ритмами рабочего, который вставал после крепкого сна и садился отдыхать, когда ему этого хотелось. Крестьянин, имевший доступ к общей земле, даже если ему нужен был дополнительный доход от наемного труда, мог брать работу на непостоянной основе, а затем возвращаться к работе на себя. Это была неприемлемая степень независимости с точки зрения капиталистов.

«В современном мире большинству людей приходится приспосабливаться к определенной дисциплине, соблюдать чужие расписания [...] или работать по чужим приказам, но мы должны помнить, что население, которое было брошено в жестокий ритм фабрики, зарабатывало себе на жизнь в условиях относительной свободы, и что дисциплина ранней фабрики была особенно дикой [...] Ни один экономист того времени, оценивая выгоды или потери от фабричной занятости, никогда не учитывал напряжение и боль, которые испытывал человек, когда он переходил от жизни, в которой он мог курить, есть, копать или спать, как ему заблагорассудится, к жизни, в которой кто-то словно закрыл его на ключ, и в течение четырнадцати часов он не имел права даже свистнуть. Это было похоже на бездыханную и лишенную смеха тюремную жизнь» [Town Labourer, стр. 133-134].

Фабричная система не могла быть навязана рабочим без предварительного лишения их альтернатив и насильственного лишения доступа к любым источникам экономической независимости. Ни один несломленный человек, обладающий чувством свободы или достоинства, не подчинился бы фабричной дисциплине. Экономист Стивен Марглин сравнил текстильную фабрику XIX века, на которой работали нищие дети, купленные на рынке рабов, с римскими кирпичными и гончарными заводами. В Риме фабричное производство было исключительным явлением в мануфактурах, где доминировали свободные люди. Фабричная система на протяжении всей истории была возможна только при наличии рабочей силы, лишенной какой-либо жизнеспособной альтернативы.

«Сохранившиеся факты [...] убедительно свидетельствуют о том, что организация труда по фабричному принципу в римские времена определялась не

технологическими соображениями, а относительной властью двух производственных классов. Вольноотпущенники и граждане обладали достаточной властью, чтобы поддерживать работу гильдий. У рабов не было власти — и они попадали на фабрики» [«What Do Bosses Do?»].

Проблема старой системы производства, при которой кустарные рабочие могли производить текстиль на договорной основе, заключалась в том, что по итогу устранился их контроль над продуктом. Фабричная система имела преимущество в дисциплине и контроле, когда рабочие были организованы под руководством надсмотрщика.

«Истоки и успех фабрики лежат не в технологическом превосходстве, а в замене контроля капиталиста над процессом труда и количеством производимой продукции на контроль рабочего, в изменении выбора рабочего, сколько работать и производить, основанного на его предпочтениях в отношении досуга и товаров, к выбору того, работать или не работать вообще, что, конечно, вряд ли можно назвать выбором».

Марглин взял классический пример Адама Смита о разделении труда при изготовлении булавок и поставил его на место. Повышение эффективности произошло не за счет разделения труда как такового, а за счет разделения и последовательности процесса на отдельные задачи с целью сокращения времени на изготовление товаров. Этого можно было бы добиться, если бы один кустарный рабочий разделил различные задачи и затем выполнял их последовательно (например, вытягивал проволоку для всего цикла производства, затем выпрямлял ее, затем резал и т.д.).

«Без специализации капиталист не играет существенной роли в производственном процессе. Если бы каждый производитель мог сам объединить составные части производства булавок в итоговый продукт, он бы вскоре обнаружил, что ему не нужно иметь дело с рынком булавок через посредничество коммерсанта. Он мог бы продавать напрямую и присваивать себе прибыль, которую капиталист получал от посредничества между производителем и рынком».

Этот принцип находится в центре истории промышленных технологий последних двухсот лет. Даже учитывая необходимость заводов для некоторых форм крупномасштабного, капиталоемкого производства, в рамках завода обычно существует выбор между альтернативными производственными технологиями. Промышленность последовательно выбирает технологии, которые снижают квалификацию рабочих и переносят принятие решений вверх по управленческой иерархии. Еще в 1835 году доктор Эндрю Ур (идеологический предшественник тейлоризма и фордизма) утверждал, что чем более квалифицирован рабочий, «тем более своевольным и [...] менее подходящим компонентом механической системы» он становится. Решение состояло в том, чтобы устранить процессы, требующие «особой ловкости и твердости рук [...] хитрого рабочего», и заменить их «механизмом, настолько саморегулирующимся, что им может управлять ребенок» [Томпсон, *Philosophy of Manufactures*, стр. 360]. И этому

принципу следовали на протяжении всего двадцатого века. Уильям Лазоник, Дэвид Монтгомери, Дэвид Ноубл и Кэтрин Стоун создали превосходное количество работ по этой теме. Даже если корпоративные эксперименты по самоуправлению работников повышают моральный дух и производительность труда, снижают травматизм и прогулы, не оправдав надежд руководства, от них обычно отказываются из-за страха потерять контроль.

Кристофер Лаш в своем предисловии к книге Ноубла *America by Design* так охарактеризовал процесс де-скиллинга:

«Капиталист, экспроприровав собственность рабочего, постепенно экспроприировал и его технические знания, утверждая свое господство над производством...»

«Экспроприация технических знаний рабочего имела своим логическим следствием рост современного менеджмента, в котором концентрировались технические знания. Поскольку научное управление разделило производство на составляющие его процедуры, превратив рабочего в придаток машины, произошло значительное увеличение технического и надзорного персонала для контроля за производственным процессом в целом» [Стр. 11-12].»

Экспроприация крестьянства и навязывание фабричной системы труда не прошли без сопротивления; рабочие точно знали, что с ними делают и что они потеряли. В 1790-е годы, когда риторика якобинцев и Томаса Пейна была широко распространена среди радикально настроенного рабочего класса, правители «колыбели свободы» жили в страхе, что страну охватит революция. Система полицейского контроля напоминала оккупационный режим. Хэммонды ссылались на переписку между магистратами северной части страны и Министерством внутренних дел, в которой закон откровенно рассматривался «как инструмент не правосудия, а репрессий», а рабочие классы «представляли [...] как беспомощное население» [Town Labourer, стр. 72].

«В свете документов Министерства внутренних дел, [...] ни одно из личных прав, присущих англичанам, не имело реальности для рабочего класса. Магистраты и их клерки не признавали никаких пределов своей власти над свободой и передвижениями рабочих. Законы о бродяжничестве, казалось, превалировали над всей хартией свобод англичанина. Они использовались для того, чтобы посадить в тюрьму любого мужчину или женщину из рабочего класса, который казался магистрату неудобным или мешающим персонажем. Они предлагали самый простой и быстрый способ преследования любого, кто пытался собирать деньги для семей уволенных рабочих или распространять литературу, которую магистраты считали нежелательной» [Там же, стр. 80].»

Сэр Роберт Пиль и его «бобби» — профессиональные силовики — заменили систему *posse comitatus*, поскольку последняя была неадекватна для контроля над населением все более недовольных рабочих. Во время волнений луддитов и других беспорядков королевские чиновники предупреждали, что «применение закона о страже и охране порядка означало бы дать оружие в руки наиболее сильным недовольным».

В начале войны с Францией Уильям Питт прекратил практику размещения армии в питейных заведениях вперемешку с населением. Вместо этого в промышленных районах были построены казармы, «чисто в полицейских целях». Промышленные районы «стали напоминать страну, находящуюся под военной оккупацией» [Там же, стр. 91-92].

Полицейское государство Питта дополнялось квази-частным линчеванием, в проверенной временем традиции чернорубашечников и эскадронов смерти. Например, «Ассоциация защиты собственности от республиканцев и левеллеров» — анти-якобинская ассоциация дворян и владельцев мельниц — проводила обыски в домах и организовывала сожжение чучел Томаса Пейна в стиле Гая Фокса; толпы «Церкви и короля» терроризировали подозреваемых радикалов [Томпсон, «*Planting the Liberty Tree*», глава пятая].

Томпсон охарактеризовал эту систему контроля как «политический и социальный апартеид» и утверждал, что «революция, которая не произошла в Англии, была полностью такой же разрушительной», как и та, что произошла во Франции [Стр. 197-198].

Наконец, государство способствовало развитию мануфактур через меркантилизм. Современные сторонники «свободного рынка» обычно рассматривают меркантилизм как «ошибочную» попытку продвижения неких единых национальных интересов, принятую из-за искреннего незнания экономических принципов. На самом деле, архитекторы меркантилизма прекрасно знали, что они делают. Меркантилизм был чрезвычайно эффективен для своей истинной цели: обогащения богатых промышленников за счет всех остальных. Адам Смит последовательно атаковал меркантилизм не как продукт экономической ошибки, а как вполне разумную попытку могущественных интересов обогатиться за счет принудительной силы государства.

Британское производство было создано путем государственного вмешательства, чтобы закрыть доступ к иностранным товарам, дать британскому судоходству монополию на внешнюю торговлю и силой подавить иностранную конкуренцию. В качестве примера последнего британские власти в Индии уничтожили бенгальскую текстильную промышленность, производившую ткани самого высокого качества в мире. Хотя они не перешли на паровые методы производства, существовала реальная возможность, что они сделали бы это, если бы Индия оставалась политически и экономически независимой. Некогда процветающая территория Бенгалии сегодня занята Бангладешом и районом Калькутты [Ноам Хомский, *World Orders Old and New*].

Американская, немецкая и японская промышленность были созданы в результате одной и той же меркантилистской политики с массовыми тарифами на товары. «Свободная торговля» была взята на вооружение благополучно укоренившимися промышленными державами, которые использовали «laissez-faire» в качестве идеологического оружия, чтобы не дать потенциальным соперникам пойти по тому же пути индустриализации. Капитализм никогда не устанавливался посредством свободного рынка или даже первичными действиями буржуазии. Он всегда устанавливался революцией сверху, навязанной докапиталистическим правящим классом. В Англии это была земельная аристократия, во Франции — бюрократия Наполеона II, в Германии — юнкера, в Японии — Мэйдзи. В Америке, наиболее близкой к «естественной» буржуазной эволюции, индустриализация была осуществлена мер-

кантилистской аристократией федералистских судоходных магнатов и помещиков [Майкл Хэррингтон, *Twilight of Capitalism*].

Романтики-медиевисты, такие как Гилберт Кит Честертон и Хилэр Беллок, описали процесс, происходивший в период высокого средневековья, когда крепостное право постепенно сходило на нет, а крестьяне превратились в фактически свободных владельцев, плативших номинальную ренту. Феодальная классовая система распадалась и заменялась гораздо более свободной и менее эксплуататорской. Иммануил Валлерстайн утверждал, что вероятным результатом была бы «система относительно равных мелких производителей, дальнейшее выравнивание аристократии и децентрализация политических структур». К 1650 году тенденция была обращена вспять, и существовал «достаточно высокий уровень преемственности между семьями, которые занимали высокие позиции» в 1450 и 1650 годах. Капитализм, не будучи «свержением отсталой аристократии прогрессивной буржуазией», «возник благодаря помещицкой аристократии, которая превратилась в буржуазию, потому что старая система распадалась» [*Historical Capitalism*, стр. 41-42, 105-106]. Этому отчасти вторит Арно Майер [*The Persistence of the Old Regime*], который утверждал преемственность между земельной аристократией и капиталистическим правящим классом.

Процесс, в ходе которого была свергнута высокая средневековая цивилизация крестьян-собственников, ремесленных гильдий и вольных городов, был ярко описан Кропоткиным [*«Взаимная помощь как фактор эволюции»*, стр. 225]. До изобретения пороха свободные города чаще всего отражали королевские армии и завоевывали независимость от феодальных повинностей. И эти города часто объединялись с крестьянами в их борьбе за контроль над землей. Абсолютистское государство и навязанная им капиталистическая революция стали возможны только тогда, когда артиллерия могла эффективнее разрушать укрепленные города, а король мог вести войну против собственного народа. И после этого завоевания Европа Уильяма Морриса осталась опустошенной, обезлюдившей и несчастной.

У Питера Тоша была песня под названием «*Four Hundred Years*» («*Четыреста лет*»). Хотя белый рабочий класс не испытал ничего подобного жестокости черного рабства, тем не менее, в системе государственного капитализма, созданной в семнадцатом веке, было «четыреста лет» угнетения для всех нас. С момента возникновения первых государств шесть тысяч лет назад политическое принуждение позволяло тому или иному правящему классу жить за счет труда других людей. Но с семнадцатого века система власти становилась все более осознанной, единой и глобальной по масштабам. Нынешняя система транснационального государственного капитализма, не имеющая конкурентов со времен краха советской бюрократической классовой системы, является прямым следствием захвата власти «четыреста лет» назад. У Оруэлла все было наоборот. Прошлое — это «сапог, топчущий лицо человека». Будет ли будущее таким же, зависит от того, что мы делаем сейчас.

Идеологическая гегемония

Идеологическая гегемония — это процесс, в ходе которого эксплуатируемые воспринимают мир через концептуальные рамки, предоставленные им их эксплуататорами. Прежде всего, она действует для того, чтобы скрыть классовый конфликт и эксплуатацию за дымовой завесой «национального единства» или «всеобщего благосостояния». Тех, кто указывает на роль государства как гаранта классовых привилегий, в театральном тоне морального возмущения осуждают за «классовую войну». Если кто-то окажется настолько непростительно «экстремистским», чтобы описать массивный фундамент государственного вмешательства и субсидирования, на котором покоится корпоративный капитализм, его обязательно упрекнут в «*марксистской риторике классовой войны*» (Боб Новак) или «*риторике баронов-грабителей*» (министр финансов Пол О’Нил).

Идеологическая основа «национального единства» доведена до того, что «эта страна», «общество» или «наша система правления» ставятся в качестве объекта благодарности за «*свободы, которыми мы пользуемся*». Только самые непатриотичные замечают, что наши свободы, отнюдь не дарованные нам щедрым и благосклонным правительством, были завоеваны прошлым сопротивлением государству. Хартии и билли о правах не были дарованы государством, а были навязаны ему снизу.

Если наши свободы принадлежат нам по праву рождения, как естественный моральный акт, то из этого следует, что мы не обязаны благодарить государство за то, что оно не нарушает их, так же как мы обязаны благодарить другого человека за то, что он воздерживается от грабежа или убийства. Простая логика подразумевает, что вместо того, чтобы быть благодарными «самой свободной стране на Земле», мы должны поднимать шум каждый раз, когда она посягает на нашу свободу. В конце концов, именно так мы и получили нашу свободу в первую очередь. Когда другой человек засовывает руку в наш карман, чтобы обогатиться за наш счет, наш естественный инстинкт — сопротивляться. Но благодаря патриотизму правящий класс может превратить свою руку в нашем кармане в «общество» или «нашу страну».

Религия национального единства наиболее патологична в отношении «обороны» и внешней политики. Истерия по поводу внешнего кризиса и войны использовалась с самого начала истории для подавления угрозы классовому господству. Продажные политики могут работать на «особые интересы» внутри страны, но когда те же политики затевают войну, это вопрос лояльности к «нашей стране».

Председатель ОКНШ, обсуждая «оборонную» позицию, будет с прямым лицом ссылаться на «угрозы национальной безопасности», с которыми сталкиваются США, и описывать вооруженные силы какого-нибудь официального врага, например Китая, как далеко выходящие за рамки «законных оборонительных требований». Самый быстрый способ выставить себя за рамки дозволенного — указать на то, что все эти «угрозы» связаны с тем, что делает какая-то страна на другом конце света в

пределах ста миль от своей собственной границы. Еще одно преступление против преклонения перед отечеством — осуждать действия Соединенных Штатов в их глобальных операциях по обеспечению безопасности для ITT и United Fruit Company в третьем мире по тем же стандартам «законных оборонительных требований», которые применяются к Китаю.

В официальной идеологии войны Америки по определению всегда ведутся «за наши свободы», для «защиты нашей страны», или, говоря о смазливом мире Мадлен Олбрайт, из бескорыстного желания содействовать «миру и свободе» во всем мире. Предполагать, что настоящие защитники наших свобод взяли за оружие против правительства или что государство национальной безопасности представляет собой большую угрозу нашим свободам, чем любой иностранный враг, с которым мы когда-либо сталкивались, непростительно. Прежде всего, хорошие американцы не замечают всех этих военных советников, обучающих эскадроны смерти тому, как отрубать лица организаторам профсоюзов и оставлять их в канавах, или как правильно использовать щипцы для яиц диссидента. Военные преступления совершаются только побежденными державами. (Но, как узнали нацисты в 1945 году, безработные военные преступники обычно могут найти работу у новой державы-гегемона).

После полутора веков патриотической индоктринации со стороны системы государственного образования американцы полностью усвоили версию американской истории «маленького красного школьного домика». Это авторитарное благочестие настолько диаметрально противоположно убеждениям тех, кто взял в руки оружие во время революции, что граждане в значительной степени забыли, что значит быть американцем. Фактически, подлинные принципы американизма были поставлены на голову. Двести лет назад постоянных армий боялись как угрозы свободе и питательной среды для авторитарных личностей; призыв в армию ассоциировался с тиранией Кромвеля; наемный труд считался несовместимым с независимым духом свободного гражданина. Сегодня, двести лет спустя, американцы настолько пруссели в результате шестидесятилетнего существования гарнизонного государства и «войн» против одного внутреннего врага или другого, что они приучены преклоняться при виде военной формы. Уклоняющиеся от призыва приравниваются к растлителям малолетних. Большинство людей работают на централизованную корпоративную или государственную бюрократию, где от них, как само собой разумеющееся, ожидают повиновения приказам начальства, работы под постоянным наблюдением и даже мочиться в чашку по команде.

В военное время критиковать правительство или задавать ему вопросы становится непатриотичным, а инакомыслие отождествляется с нелояльностью. Абсолютная вера и послушание властям — лакмусовая бумажка «американизма». Внешняя война — очень полезный инструмент для манипулирования сознанием населения и удержания его под контролем. Война — это самый простой способ передать государству огромные, неподотчетные полномочия. Люди становятся наиболее некритично послушными именно тогда, когда им нужно быть наиболее бдительными.

Самая большая ирония заключается в том, что в стране, основанной революцией, «американизм» определяется как уважение к власти и сопротивление «подрывной деятельности». Революция действительно была революцией, в ходе которой внутренние политические институты колоний были насильственно свергнуты. Во многих

временах и местах это была гражданская война между классами. Но, как писала Вольгарина де Клер сто лет назад в книге *«Анархизм и американские традиции»*, в учебниках истории представлена версия патриотического конфликта между нашими «отцами-основателями» и иностранным врагом. Те, кто все еще может цитировать Джефферсона о праве на революцию, отнесены к «экстремистскому» флангу, чтобы быть схваченными во время следующей военной истерии или красной угрозы.

Эта идеологическая конструкция единого «национального интереса» включает фикцию «нейтрального» свода законов, которая скрывает эксплуататорскую природу системы власти, при которой мы живем. При корпоративном капитализме отношения эксплуатации опосредованы политической системой в такой степени, которая была неизвестна при предыдущих классовых системах. При рабстве и феодализме эксплуатация была конкретной и персонифицированной в отношениях производителя со своим господином. Раб и крестьянин точно знали, кто их надует. Современный рабочий, с другой стороны, чувствует болезненное ощущение удара, но имеет лишь смутное представление о том, откуда он исходит.

Помимо функции маскировки интересов правящего класса за фасадом «всеобщего благосостояния», идеологическая гегемония также производит разделение между управляемыми. С помощью кампаний против «мошенников» и «тунеядцев», а также требований «жестко бороться с преступностью» правящий класс может направить враждебность среднего и рабочего классов против низшего класса.

Особенно тошнотворным является феномен «популизма миллиардеров». Призывы к банкротству и «реформе» социального обеспечения, а также к войне с преступностью облачаются в псевдопопулистскую риторику, определяя низший класс как главных паразитов, питающихся трудом производителей. В их символической вселенной «aw, shucks» (*буквально «ой, дерьмо»*) можно подумать, что Америка — это мир Ридерз Дайджест/Нормана Роквелла, где нет ничего, кроме трудолюбивых мелких бизнесменов и семейных фермеров, с одной стороны, и жуликов, получающих пособие, тунеядцев, профсоюзных лидеров и бюрократов — с другой. Слушая их, вы никогда не заподозрите, что мультимиллиардеры или глобальные корпорации вообще существуют, не говоря уже о том, что они могут получить выгоду от такого «популизма».

В реальном мире корпорации являются крупнейшими клиентами государства всеобщего благосостояния. Крупнейшие банкротства — это корпоративные дела по главе 11 Кодекса США о банкротстве, а самые страшные преступления совершаются в корпоративных апартаментах, а не на улицах. Настоящее ограбление обычного производителя состоит из прибыли и ростовщичества, вымогаемых только с помощью государства — настоящего «большого правительства» за нашими спинами. Но пока рабочий класс и низший класс заняты борьбой друг с другом, они не замечают, кто на самом деле их грабит.

Как говорил Стив Бико: *«Самое мощное оружие угнетателя — мышление угнетенного»*.

Денежная монополия

В каждой системе классовой эксплуатации правящий класс контролирует доступ к средствам производства, чтобы извлекать дань из труда. При капитализме доступ к капиталу ограничивается денежной монополией, при которой государство или банковская система получают монополию на средство обмена, а альтернативные средства обмена запрещены. Денежная монополия также включает входные барьеры против кооперативных банков и запрет на частную эмиссию банкнот, что ограничивает доступ к финансовому капиталу и искусственно поддерживает высокие процентные ставки.

Вскользь можно упомянуть о колоссальной лицемерии при регулировании кредитных кооперативов в США, которые требуют, чтобы их членов связывали какие-то общие узы, например, работа на одного и того же работодателя. Представьте себе возмущение, если бы IGA и Safeway пролоббировали национальный закон, запрещающий продуктовые кооперативы, если все их члены не работают в одной компании! Одним из самых известных сторонников этих законов является Филип Грэм, «сторонник свободного рынка» и профессор экономики, а также самая главная подстилка банковской индустрии в Конгрессе.

Индивидуалисты и анархисты-мютюэлисты, такие как Уильям Грин [*Mutual Banking*], Бенджамин Такер [*Instead of a Book*], и Дж. Б. Робертсон [*The Economics of Liberty*], рассматривали денежную монополию как центральную часть капиталистической системы привилегий. На подлинно свободном банковском рынке любая группа людей могла бы создать взаимный банк и выдавать монетизированные кредиты в форме банкнот под любой вид обеспечения по своему выбору, причем принятие этих банкнот в качестве платежного средства было бы условием членства. Грин предположил, что взаимный банк может выбрать в качестве залога не только товарную собственность, но и «зalog [будущего производства]» [*Mutual Banking*, стр. 73]. В результате, благодаря конкуренции, процентные ставки снизились бы до уровня административных накладных расходов — менее одного процента.

Обилие дешевых кредитов резко изменило бы баланс сил между капиталом и трудом, и доходность труда заменила бы доходность капитала в качестве доминирующей формы экономической деятельности. По словам Робинсона,

На монопольной ставке процента на деньги, которая [...] навязана нам законом, основана вся система процента на капитал, которая пронизывает весь современный бизнес.

При свободном банковском обслуживании проценты по облигациям всех видов и дивиденды по акциям упали бы до минимального банковского процента. Так называемая аренда домов [...] снизилась бы до стоимости их содержания и замены.

Вся та часть продукта, которая сейчас берется в виде процентов, принадлежала бы производителю. Капитал, как бы [...] его ни определяли, практически перестал бы существовать как средство получения дохода, по той простой причине, что если деньги, на которые можно купить капитал, можно получить за половину одного процента, то сам капитал не может иметь более высокую цену [The Economics of Liberty, стр. 80-81].

И результатом этого стало бы радикальное улучшение позиции арендаторов и рабочих в переговорах с владельцами земли и капитала. По словам Гэри Элкина, анархизм свободного рынка Такера нес в себе определенные неотъемлемые либертарно-социалистические последствия:

Важно отметить, что из-за предложения Такера увеличить переговорную силу рабочих через доступ к взаимному кредитованию, его так называемый индивидуалистический анархизм не только совместим с рабочим контролем, но и фактически будет способствовать ему. Ведь если доступ к взаимному кредитованию увеличит переговорную силу рабочих в той степени, в которой, по утверждению Такера, это произойдет, то они смогут (1) требовать и иметь демократию на рабочем месте и (2) объединять свои кредиты для покупки и коллективного владения компаниями.

Банковская монополия была не только «стержнем капитализма», но и семенем, из которого выросла монополия помещика. Без денежной монополии цена на землю была бы гораздо ниже и способствовала бы «процессу снижения ренты до нуля» [Гэри Элкин, «Benjamin Tucker — Anarchist or Capitalist»].

Учитывая улучшение переговорной позиции работника, «способность капиталистов извлекать прибавочную стоимость из труда работников будет устранена или, по крайней мере, значительно уменьшена» [Mutual Banking]. Поскольку вознаграждение за труд приближается к добавленной стоимости, прибыль на капитал снижается в результате рыночной конкуренции, а стоимость корпоративных акций, соответственно, падает, работник становится фактическим совладельцем своего рабочего места, даже если компания номинально остается в собственности акционеров.

Почти нулевые процентные ставки повысили бы независимость труда всевозможными интересными способами. Во-первых, любой человек, имеющий сейчас двадцатилетнюю ипотеку под 8%, мог бы, при отсутствии ростовщичества, выплатить ее за десять лет. У большинства людей в возрасте 30 лет дома были бы оплачены. Благодаря этому и отсутствию долгов по кредитным картам с высокими процентами исчезли бы два самых больших источника беспокойства по поводу сохранения рабочего места любой ценой. Кроме того, у многих работников были бы большие сбережения («деньги на черный день»). Значительное число работников вышли бы на пенсию в возрасте сорока или пятидесяти лет, перешли на неполный рабочий день или начали заниматься бизнесом; в условиях конкуренции за рабочие места эффект на переговорную силу будет революционным.

Наш гипотетический мир свободного кредита во многом напоминает ситуацию в колониальных обществах. Э. Г. Уэйкфилд в книге «Взгляд на искусство колонизации» (А

View of the Art of Colonization) писал о неприемлемо слабой позиции класса наемных работников, когда самозанятость с собственным имуществом была легкодоступна. В колониях существовал жесткий рынок труда и слабая трудовая дисциплина из-за обилия дешевой земли. «Мало того, что степень эксплуатации наемного работника остается неприлично низкой. Вместе с отношением зависимости наемный рабочий теряет и чувство зависимости от скупого капиталиста».

Там, где земля дешева и все люди свободны, где каждый, кто пожелает, может получить кусок земли, труд не только очень дорог, что касается доли рабочих в продукте, но и трудно получить комбинированный труд по любой цене.

Эта среда также препятствовала концентрации богатства, как заметил Уэйкфилд: «Немногие, даже из тех, чья жизнь необычайно длинна, могут накопить огромные массы богатства». В результате колониальная элита обращалась к родной стране с просьбой привлечь импортную рабочую силу и ограничить использование земли для поселения. По словам ученика Уэйкфилда Германа Меривейла, существовало «настоятельное желание иметь более дешевых и более покорных рабочих — класс, которому капиталист мог бы диктовать условия, вместо того, чтобы они диктовали ему» [Морис Добб, *Studies in the Development of Capitalism*; Маркс, глава 25: «Современная теория колонизации», *Капитал*, том 1].

Помимо всего этого, центральные банковские системы выполняют и другие функции в интересах капитала. Прежде всего, главным требованием финансовых капиталистов является недопущение инфляции, чтобы обеспечить предсказуемую доходность инвестиций. Это якобы является основной целью Федеральной резервной системы и других центральных банков. Но не менее важной является роль центральных банков в поддержании того, что они считают «естественным» уровнем безработицы — до 1990-х годов около шести процентов. Причина в том, что когда уровень безработицы становится намного ниже этой цифры, труд становится все более жестким и требует более высокой оплаты и условий труда, а также большей автономии. Работники готовы терпеть гораздо меньше дерьма от босса, когда они знают, что на следующий день смогут найти работу, по крайней мере, не хуже. С другой стороны, ничто так эффективно не помогает «вправить мозги», как осознание того, что люди выстраиваются в очередь, чтобы занять место.

Клинтоновское «процветание» является мнимым исключением из этого правила. Когда безработица грозила упасть ниже четырехпроцентной отметки, некоторые члены Федеральной резервной системы ратовали за повышение процентных ставок и снятие «инфляционного» давления путем выбрасывания на улицу нескольких миллионов рабочих. Но, как свидетельствовал Алан Гринспен [*Testimony of Chairman Alan Greenspan*] перед банковским комитетом Сената, ситуация была уникальной. Учитывая степень незащищенности рабочих мест в высокотехнологичной экономике, существовало «(не)типичное сдерживание роста денежных компенсаций». В 1996 году, даже при напряженной ситуации на рынке труда, 46% работников крупных фирм опасались увольнений — по сравнению с 25% в 1991 году, когда безработица была намного выше.

Нежелание работников покидать свои рабочие места в поисках другой работы по мере сужения рынка труда стало еще одним доказательством обеспокоенности по этому поводу, как и тенденция к увеличению продолжительности профсоюзных договоров. На протяжении многих десятилетий срок действия контрактов редко превышал три года. Сегодня можно отметить пяти- и шестилетние контракты, которые обычно характеризуются акцентом на гарантии занятости и предполагают лишь скромное повышение заработной платы. Низкий уровень остановок работы в последние годы также свидетельствует о заботе о гарантиях занятости.

Таким образом, готовность работников в последние годы обменивать меньший рост заработной платы на большую гарантию занятости представляется достаточно хорошо задокументированной. Для боссов высокотехнологичная экономика — это лучшее средство поддержания порядка, чем высокая безработица. «Борьба с инфляцией» в практическом плане означает повышение уровня незащищенности рабочих мест и снижение вероятности того, что работники будут бастовать или искать новую работу.

Патенты

Патентная привилегия использовалась в огромных масштабах для содействия концентрации капитала, возведения входных барьеров и сохранения монополии на передовые технологии в руках западных корпораций. Трудно даже представить, насколько более децентрализованной была бы экономика без этого. Правый либертарианец Мюррей Ротбард считал патенты фундаментальным нарушением принципов свободного рынка.

Человек, не купивший машину и самостоятельно пришедший к тому же изобретению, на свободном рынке сможет использовать и продавать свое изобретение. Патенты не позволяют человеку использовать свое изобретение, даже если вся собственность принадлежит ему, и он не украл изобретение, явно или неявно, у первого изобретателя. Таким образом, патенты — это предоставление государством исключительных монопольных привилегий и вторжение в права собственности на рынке [«Человек, экономика и государство», том 2, стр. 655].

Патенты создают астрономическую разницу в цене. Например, до начала 1970-х годов Италия не признавала патенты на лекарства. В результате компания Roche Products взимала с британского национального здравоохранения за запатентованные компоненты Librium и Valium цену в 40 раз большую, чем конкуренты в Италии [Чакраварти Рагхаван, *Recolonization*, стр. 124].

Патенты борются с инновациями в той же мере, в какой они их поощряют. Чакраварти Рагхаван отметил, что ученые-исследователи, которые на самом деле занимаются изобретательством, обязаны подписывать патентные права в качестве условия найма, а патенты и программы промышленной безопасности препятствуют обмену информацией и подавляют конкуренцию в дальнейшем совершенствовании запатентованных изобретений [op. cit., стр. 118]. Ротбард также утверждал, что патенты устраняют «конкурентный стимул для дальнейших исследований», потому что постепенные инновации на основе чужих патентов запрещены, и потому что владелец может «почивать на лаврах в течение всего срока действия патента», не опасаясь, что конкурент усовершенствует его изобретение. Они препятствуют техническому прогрессу, потому что «механические изобретения являются скорее открытиями естественного закона, чем индивидуальными творениями, и, следовательно, подобные независимые изобретения происходят постоянно. Одновременность изобретений — известный исторический факт» [op. cit., стр. 655, 658-659].

Режим интеллектуальной собственности в рамках Уругвайского раунда Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) далеко выходит за рамки традиционного патентного права в борьбе с инновациями. Одним из преимуществ традиционного патентного права, по крайней мере, было то, что оно требовало публикации

патентуемого изобретения. Однако под давлением США в ГАТТ были включены «коммерческие тайны». В результате от правительств потребуется помощь в запрете информации, формально не защищенной патентами [Рагхаван, *op. cit.*, стр. 122].

И патенты не являются необходимым стимулом для инноваций. Согласно Ротбарду, изобретение вознаграждается конкурентным преимуществом, которое получает первый разработчик идеи. Это подтверждается показаниями Ф. М. Шерера перед Федеральной торговой комиссией в 1995 году [*Hearings on Global and Innovation-Based Competition*]. Шерер рассказал об опросе 91 компании, в котором только семь «придавали большое значение патентной защите как фактору их инвестиций в НИОКР». Большинство из них назвали патенты «наименее важным фактором». Большинство компаний считали, что их главными мотивами при принятии решений о НИОКР являются «необходимость сохранения конкурентоспособности, стремление к эффективному производству, а также желание расширить и диверсифицировать свои продажи». В другом исследовании Шерер не обнаружил негативного влияния на расходы на НИОКР в результате принудительного лицензирования патентов. Опрос американских фирм показал, что 86% изобретений были бы разработаны без патентов. В случае с автомобилями, офисным оборудованием, резиновыми изделиями и текстилем этот показатель составил 100%.

Исключение составляют лекарства, 60% которых, предположительно, не были бы изобретены. Однако я подозреваю недобросовестность со стороны респондентов. Во-первых, компании по производству лекарств получают необычайно высокую долю финансирования НИОКР от правительства, и многие из их самых прибыльных продуктов были разработаны полностью за государственный счет. Да и сам Шерер приводил доказательства обратного. Репутационное преимущество быть первым на рынке очень велико. Например, в конце 1970-х годов было установлено, что структура отрасли и поведение цен на лекарства с патентами и без патентов очень похожи. Если компания была первой на рынке с непатентованным препаратом, то это позволяло ей сохранять долю рынка в 30% и устанавливать премиальные цены.

Несправедливость патентных монополий усугубляется государственным финансированием исследований и инноваций, когда частная промышленность получает монопольную прибыль от технологии, на разработку которой она не потратила ни копейки. В 1999 году продление налогового кредита на исследования и эксперименты, наряду с продлением ряда других корпоративных налоговых льгот, считалось самым неотложным делом при руководстве Конгресса. Деннис Хастерт, когда его спросили, являются ли какие-либо элементы налогового законопроекта необходимыми, сказал: «Я думаю, что продление [налоговых льгот] — это то, над чем нам придется поработать». Председатель бюджетного комитета Билл Арчер добавил: «До конца года [...] мы сделаем продление налоговых льгот в очень урезанном законопроекте, который не будет включать ничего другого». Ожидалось, что продление на пять лет кредита на исследования и эксперименты (с обратной силой с 1 июля 1999 года) обойдется в 13,1 миллиарда долларов. Этот кредит делает эффективную налоговую ставку на расходы на исследования и разработки меньше нуля [Citizens for Tax Justice, *GOP Leaders Distill Essence of Tax Plan*].

Закон о государственной патентной политике от 1980 года с поправками 1984 и 1986 годов позволил частной промышленности сохранять патенты на продукты, раз-

работанные на государственные деньги на НИОКР, и затем взимать плату в десять, двадцать или сорок раз превышающую стоимость производства. Например, противовирусный препарат азидотимидин был разработан на государственные деньги и находился в общественном достоянии с 1964 года. Патент был передан компании Burroughs Wellcome Corp [Крис Льюис, «*Public Assets, Private Profits*»].

Как будто колода и так не была достаточно сложена, фармацевтические компании в 1999 году фактически пролоббировали в Конгрессе продление некоторых патентов на два года специальным актом частного права [Бенджамин Гроув, «*Gibbons backs drug-monopoly bill*»].

По словам Дэвида Ноубла, патенты использовались на протяжении всего двадцатого века «для обхода антимонопольных законов». Их «скупали в больших количествах, чтобы подавить конкуренцию», что также привело к «борьбе против самого изобретения» [America by Design, стр. 84-109]. Эдвин Приндл, корпоративный патентный юрист, писал в 1906 году:

Патенты являются лучшим и наиболее эффективным средством контроля над конкуренцией. Иногда они обеспечивают абсолютное господство на рынке, позволяя своему владельцу назначать цену без учета затрат на производство. Патенты являются единственной законной формой абсолютной монополии [America by Design, стр. 90].

Патенты сыграли ключевую роль в становлении индустрии электроприборов, связи и химической промышленности. В начале века компании General Electric и Westinghouse заняли доминирующее положение на рынке производства электрооборудования во многом благодаря патентному контролю. В 1906 году они сократили патентные споры между собой, объединив свои патенты. АТ&Т также расширилась «в основном за счет стратегии патентной монополии». Американская химическая промышленность была маргинальной до 1917 года, после генеральный прокурор Александр Митчелл Палмер конфисковал немецкие патенты и распределил их между крупными американскими химическими компаниями. Компания DuPont получила лицензии на 300 из 735 патентов [America by Design, стр. 10, 16].

Патенты также используются в глобальном масштабе, чтобы запереть транснациональные корпорации в монополию на производственные технологии. Самым тоталитарным положением Уругвайского раунда, вероятно, являются положения об «интеллектуальной собственности». ГАТТ расширил сферу действия и срок действия патентов намного больше, чем когда-либо предполагалось в первоначальном патентном законодательстве. В Англии патенты первоначально выдавались на четырнадцать лет — время, необходимое для обучения двух подмастерьев подряд (и, по аналогии, время, необходимое для запуска в производство и получения первоначальной прибыли за оригинальность). По этому стандарту, учитывая более короткое время обучения, необходимое сегодня, и более короткий срок жизни технологии, период монополии должен быть короче. Вместо этого США стремятся продлить его до пятидесяти лет [Raghavan, *Recolonization*, стр. 119-120]. По мнению Мартина Хора, США, безусловно, являются самым абсолютистским из участников Уругвайского раунда. В отличие от Европейского сообщества, а также в отношении биологиче-

ских процессов защиты животных и растений [*The Uruguay Round and Third World Sovereignty*, стр. 28].

Положения о биотехнологиях на самом деле являются способом повышения торговых барьеров и принуждения потребителей к субсидированию ТНК, занятых в агробизнесе. США стремятся применять патенты к генетически модифицированным организмам, фактически пиратствуя работу поколений селекционеров из стран третьего мира путем выделения полезных генов в традиционных сортах и включения их в новые ГМО — и, возможно, даже принудительного применения патентных прав против традиционного сорта, который был источником генетического материала. Например, компания Monsanto пыталась использовать присутствие своей ДНК в чужом урожае как доказательство пиратства, хотя гораздо более вероятно, что их сорт перекрестно опылился и заразил урожай фермера против его воли. Национальное детективное агентство Пинкертонa, кстати, играет ведущую роль в расследовании таких обвинений — это те же самые люди, которые в прошлом веке срывали забастовки и стакливали организаторов с лестницы. Даже бандитам в шароварах приходится диверсифицировать свою деятельность, чтобы добиться успеха в глобальной экономике.

Развитые страны особенно настойчиво пытаются защитить отрасли, полагающиеся на «незапатентованные технологии» или производящие их, а также ограничить распространение технологий «двойного назначения». Например, американо-японское торговое соглашение по полупроводникам является «картельным, „управляемым“ торговым соглашением». Вот вам и «свободная торговля» [Дитер Эрнст, «*Technology, Economic Security and Latecomer Industrialization*»; Рагхаван, *Recolonization*, стр. 39-40].

Патентное право всегда требовало, чтобы владелец работал над изобретением в стране, чтобы получить патентную защиту. Законодательство Великобритании допускает принудительное лицензирование по истечении трех лет, если изобретение не используется или используется не полностью, а спрос удовлетворяется «в значительной степени» за счет импорта; или если экспортный рынок не обеспечивается из-за отказа патентообладателя предоставить лицензию на разумных условиях. [*Recolonization*, стр. 120, 138].

Однако основной мотив режима интеллектуальной собственности ГАТТ заключается в том, чтобы навсегда закрепить коллективную монополию ТНК на передовые технологии и предотвратить появление независимой конкуренции в странах третьего мира. Это, как пишет Мартин Хор, «*эффективно предотвратит распространение технологий в страны третьего мира и чрезвычайно увеличит монопольные роялти ТНК, сдерживая потенциальное развитие технологий стран третьего мира*». Только один процент патентов во всем мире принадлежит странам третьего мира. Из патентов, выданных в 1970-х годах странами третьего мира, 84% принадлежали иностранцам. Но менее 5% патентов, принадлежащих иностранцам, были фактически использованы в производстве. Как мы уже видели, цель владения патентом не обязательно заключается в том, чтобы использовать его, а в том, чтобы помешать кому-либо другому использовать его [op. cit., стр. 29-30].

Рагхаван хорошо подытожил их влияние на страны третьего мира:

Учитывая огромные затраты на НИОКР и инвестиции, а также короткий жизненный цикл некоторых из этих продуктов, ведущие промышленные страны пытаются предотвратить появление конкуренции, контролируя [...] потоки технологий к другим. Уругвайский раунд пытаются использовать для создания экспортных монополий на продукцию промышленных стран и блокирования или замедления появления конкурентоспособных соперников, особенно в новых индустриальных странах третьего мира. В то же время технологии стареющих отраслей промышленности Севера пытаются экспортировать на Юг на условиях гарантированного дохода рантье [op. cit., стр. 96].

Корпоративные пропагандисты свято чтут антиглобалистов как врагов Третьего мира, стремящихся использовать торговые барьеры для поддержания богатого западного образа жизни за счет бедных стран. Вышеупомянутые меры — торговые барьеры — для постоянного подавления технологий Третьего мира и сохранения Юга в качестве большой потогонной фабрики, дают ложь об этой «гуманитарной» заботе. Дело не в различии мнений или искренне ошибочном понимании фактов. Если отбросить фальшивые тонкости, то мы видим здесь чистое зло в действии — оруэлловский «сапог, топчущий лицо человека». Если кто-то из архитекторов этой политики считает, что она направлена на общее благосостояние людей, то это лишь показывает способность идеологии оправдывать угнетателя и давать ему возможность спокойно спать по ночам.

Инфраструктура

Расходы на транспортные и коммуникационные сети из общих доходов, а не из налогов и платежей пользователей, позволяют крупному бизнесу «перекладывать свои издержки» на общественность и скрывать свои истинные операционные расходы. Ноам Хомский довольно точно описал это государственно-капиталистическое андеррайтинг транспортных расходов:

Один из известных фактов о торговле заключается в том, что она сильно субсидируется с огромными факторами, искажающими рынок. Наиболее очевидным является то, что каждый вид транспорта чрезмерно сильно субсидируется. Поскольку торговля, естественно, требует транспорта, транспортные расходы входят в расчет эффективности торговли. Но существуют огромные субсидии для снижения транспортных расходов, посредством манипулирования стоимостью энергии и всевозможных искажающих рынок функций [«How Free is the Free Market?»].

За каждой волной концентрации капитала следовала та или иная система инфраструктуры, субсидируемая государством. За национальной железнодорожной системой, построенной в основном на бесплатной или недорогой земле, предоставленной государством, последовала интеграция в тяжелую промышленность, нефтехимию и финансы. Следующими крупными инфраструктурными проектами стали национальная система автомобильных дорог, начиная с системы выделенных национальных магистралей в 1920-х годах и заканчивая межштатной системой Эйзенхауэра; и система гражданской авиации, построенная почти полностью на федеральные деньги. Результатом стала массовая концентрация капитала в розничной торговле, сельском хозяйстве и пищевой промышленности.

Третьим таким проектом стала инфраструктура всемирной паутины, изначально созданная Пентагоном. Она впервые позволила руководить глобальными операциями в режиме реального времени из одной корпоративной штаб-квартиры и ускоряла концентрацию капитала в глобальном масштабе. Снова процитируем Хомского:

Телекоммуникационная революция [...] это [...] еще один государственный компонент международной экономики, который развивался не за счет частного капитала, а за счет того, что общество платило за разрушение самого себя [«Классовая война: Интервью с Дэвидом Барзамьяном»].

Централизованная корпоративная экономика зависит в своем существовании от системы цен на перевозки, которая искусственно искажается государственным вмешательством. Чтобы в полной мере осознать, насколько корпоративная экономика зависит от обобществления транспортных и коммуникационных затрат, представьте,

что произойдет, если топливо для грузовиков и самолетов будет облагаться налогом, достаточным для оплаты полной стоимости технического обслуживания и строительства новых зданий на автомагистралях и в аэропортах, а также если будут отменены льготы на истощение ископаемых видов топлива. Результатом стало бы массовое увеличение стоимости доставки. Неужели кто-то всерьез верит, что Walmart сможет и дальше снижать цены на товары местных розничных торговцев, или что корпоративный агробизнес сможет уничтожить семейную ферму?

Интеллектуально честные правые либертарианцы свободно признают это. Например, Тибор Махан написал в газете *The Freeman* следующее:

Некоторые люди скажут, что строгая защита прав [против конфискации собственности] приведет в лучшем случае к уменьшению размера аэропортов и многочисленным ограничениям на строительство. Конечно — но что в этом плохого?

Возможно, самое худшее в современной индустриальной жизни — это возможность властей предоставлять особые привилегии некоторым предприятиям для нарушения прав третьих лиц, чье разрешение было бы слишком дорого получить. Необходимость получения такого разрешения действительно серьезно помешала бы тому, что большинство защитников окружающей среды считают безудержной — фактически безрассудной — индустриализацией.

Система прав частной собственности, при которой [...] все [...] виды [...] человеческой активности должны осуществляться в пределах собственной сферы, за исключением случаев добровольного сотрудничества с другими, является величайшим регулятором человеческих амбиций... Одним словом, люди могут достичь целей, которых они не могут достичь своими собственными ресурсами, только убедив других, посредством аргументов и честного обмена, сотрудничать [«On Airports and Individual Rights»].

Тупики и препятствия в транспортной системе — это неизбежный результат субсидий. Тем, кто спорит о причинах скопления самолетов в аэропорту О’Хара или сетует на то, что шоссе и мосты разрушаются в несколько раз быстрее, чем на их ремонт выделяются бюджетные средства, достаточно прочитать учебник по экономике. Рыночные цены — это сигналы, которые связывают предложение со спросом. Когда субсидии искажают эти сигналы, потребитель не воспринимает реальную стоимость производства товаров, которые он потребляет. «Цикл обратной связи» нарушается, и требования к системе превышают ее способность реагировать. Когда людям не приходится платить реальную стоимость того, что они потребляют, они не очень внимательно следят за тем, чтобы использовать только то, что им нужно.

Интересно, что каждое крупное антимонопольное дело в этом столетии было связано либо с каким-то основным энергетическим ресурсом, либо с какой-то формой инфраструктуры, от которой зависит экономика в целом. Standard Oil, AT&T и Microsoft — все это примеры, в которых монопольное завышение цен представляло опасность для экономики в целом. Это заставляет вспомнить замечание Энгельса о

том, что развитый капитализм достигнет той стадии, когда государство — *«официальный представитель капиталистического общества»* — должно будет обратить *«великие учреждения для взаимосвязи и коммуникации»* в государственную собственность. Энгельс не предвидел использования антитрестовских действий для достижения той же цели [Энгельс, *«Анти-Дюринг»*].

«Военное кейнсианство»

Ведущие отрасли экономики, включая кибернетику, связь и военную промышленность, имеют свои доходы и прибыль, практически гарантированные государством. Весь производственный сектор в целом был до неусузнаваемости расширен за счет вливания федеральных денег во время Второй мировой войны. В 1939 году все производственные предприятия США оценивались в 40 миллиардов долларов. К 1945 году было построено заводов и оборудования еще на 26 миллиардов долларов, причем «две трети из них оплачивались непосредственно из государственных средств». 250 крупнейших корпораций в 1939 году владели 65% заводов и оборудования, но во время войны эксплуатировали 79% всех новых объектов, построенных за счет государственных средств [Чарльз Миллс, «Властвующая элита», стр. 101].

Во время войны станки были значительно усовершенствованы. В 1940 году 23% используемых станков были моложе 10 лет. К 1945 году эта цифра выросла до 62%. После 1945 года промышленность быстро сократилась и, вероятно, впала бы в депрессию, если бы не вернулась к уровню производства военного времени во время Кореи и не оставалась такой на протяжении всей холодной войны. Комплекс НИОКР также был порождением войны. Между 1939 и 1945 годами доля расходов АТ&Т на исследования, состоящая из государственных контрактов, выросла с 1% до 83%. Более 90% патентов, полученных в результате финансируемых правительством исследований военного времени, были переданы промышленности. Современная электронная промышленность была в значительной степени продуктом расходов на Вторую мировую войну и холодную войну (например, миниатюризация схем для взрывателей бомб, высокопроизводительные компьютеры для командования и управления и т.д.) [Ноубл, *Forces of Production*, стр. 8-16].

Индустрия гигантских реактивных самолетов никогда бы не появилась без постоянного увеличения военных расходов во время холодной войны. Станки, необходимые для их производства, были настолько сложными и дорогими, что никакие «небольшие заказы мирного времени» не смогли бы обеспечить достаточный объем производства для их оплаты. Без крупных военных заказов их просто не было бы. Авиационная промышленность быстро сошла на нет после 1945 года и была близка к банкротству в начале военного лихолетья 1948 года, после чего Трумэн вернул ее к жизни с помощью огромных расходов. К 1964 году 90% аэрокосмических исследований и разработок финансировались правительством, с огромным перетоком в электронику, станкостроение и другие отрасли [*Forces of Production*, стр. 6-7; Фрэнк Кофски, *Harry S. Truman and the War Scare of 1948*].

Прочие субсидии

Инфраструктура и военные расходы — не единственные примеры процесса обобществления затрат и рисков и приватизации прибыли — или, как выразился Ротбард, процесса, в ходе которого «наше корпоративное государство использует принудительную налоговую власть либо для накопления корпоративного капитала, либо для снижения корпоративных затрат» [Ротбард, «Confessions of a Right-Wing Liberal»]. Некоторые из этих допущений риска и затрат государством носят специальный характер и направлены на конкретные отрасли.

Среди самых больших бенефициаров такого андеррайтинга — электроэнергетические компании. Почти 100% всех исследований и разработок для ядерной энергетики осуществляется либо самим правительством в рамках программы военных реакторов, либо за счет единовременных грантов на НИОКР; правительство отменяет плату за использование ядерного топлива, субсидирует производство урана, предоставляет доступ к государственной земле по цене ниже рыночной (и строит сотни миль подъездных путей за счет налогоплательщиков), обогащает уран и утилизирует отходы по «сладким» ценам. Закон Прайса-Андерсона от 1957 года ограничил ответственность атомной энергетики и взял на себя ответственность правительства сверх этого уровня [Уолтер Адамс и Джеймс Брок, *The Bigness Complex*, стр. 279-281]. Официальный представитель компании Westinghouse Electric признался в 1953 году:

Если бы вы спросили, может ли Westinghouse рассмотреть возможность вложить свои собственные деньги [...], мы должны были бы ответить: «Нет». Стоимость завода будет под вопросом до тех пор, пока мы не построим его и не узнаем ответ. Мы не были бы уверены в успешной деятельности завода до тех пор, пока не выполнили бы всю работу и не начали бы успешно функционировать. Это все еще ситуация пирамидирования неопределенностей. Существует различие между принятием риска и безрассудством [там же, стр. 278-279].

Прибыль — это вознаграждение за риск предпринимателя. Эти «предприниматели» получают свою прибыль так же, как придворные XVII века — путем получения благосклонности короля. Цитируя Хомского:

Сектора экономики, которые остаются конкурентоспособными — это те, которые кормятся из общего корыта. Воспевание свободного предпринимательства служит полезным оружием против правительственной политики, которая может принести пользу всему населению. Но богатые и влиятельные [...] уже давно оценили необходимость защищаться от разрушительных сил капитализма свободного рынка, который может стать подходящей почвой для ораторства, но только до тех пор, пока государственные подачки,

регулирующий и протекционистский аппарат находятся в безопасности, а государственная власть наготове, когда есть необходимость [Хомский, *Deterring Democracy*, стр. 144].

Дуэйн Андреас, генеральный директор компании Archer Daniels Midland, признал, что *«в мире нет ни одного зерна, которое продавалось бы на свободном рынке. Ни одного. Единственное место, где вы видите свободный рынок, это в речах политиков»* [Дон Карни, *«Dwayne's World»*].

Крупный бизнес также пользуется финансовой поддержкой через налоговый кодекс. Вполне вероятно, что большинство компаний из списка Fortune 500 обанкротились бы без корпоративной помощи. Прямые федеральные налоговые льготы бизнесу в 1996 году составили около 350 миллиардов долларов [Основано на цифрах, приведенных в книге Марка Зепезауэра и Артура Ньюмана *«Take the Rich off Welfare»*]. Эта цифра, только для федеральной корпоративной помощи, составляет более двух третей годовой прибыли корпораций за 1996 год (460 миллиардов долларов) [*Statistical Abstract of the United States 1996*].

Оценки налоговых льгот штатов и местных органов власти достаточно впечатлительны, поскольку они варьируются не только в зависимости от субъективного определения «корпоративного благосостояния» каждым критиком, но и включают в себя налоговые кодексы пятидесяти штатов и публичные документы тысяч муниципалитетов. Кроме того, сутенеры в государственных и местных органах власти стесняются сладких сделок, которые они предоставляют своим корпоративным партнерам. В моем родном штате Арканзас неподкупный баптистский проповедник, занимающий пост губернатора, выступил против законопроекта, требующего от Департамента экономического развития ежеквартальных публичных отчетов о специальных налоговых льготах для бизнеса. *«Сохранение информации о стимулах от общественного контроля важно для привлечения бизнеса»*, а разглашение *«закртой информации»* может иметь *«негативный эффект»* [*Arkansas Democrat-Gazette*, 3 февраля 2001 г.]. Но корпоративное благосостояние на уровне штата и на местном уровне вполне может составить цифру, сопоставимую с федеральной.

Если брать в целом, то прямые налоговые льготы бизнесу на всех уровнях власти, вероятно, имеют ту же величину, что и прибыль корпораций. И это преуменьшает эффект корпоративного благосостояния, поскольку он непропорционально велик для горстки гигантских фирм в каждой отрасли. Например, ускоренная амортизация благоприятствует расширению существующих фирм. Новым фирмам это мало выгодно, так как в первые несколько лет они, скорее всего, будут терять деньги. Однако уже существующая фирма может понести убытки в новом предприятии и отнести ускоренную амортизацию на счет прибыли от старых объектов [Мортон Барац, *«Corporate Giants and the Power Structure»*].

Самым возмутительным из этих налоговых расходов является субсидирование финансовых операций, посредством которых происходит концентрация капитала. Вычет процентов по корпоративному долгу, большая часть которого была накоплена в результате выкупов и приобретений с использованием заемных средств, обходится казне более чем в 200 миллиардов долларов в год [*Take the Rich off Welfare*, стр. 122-123]. Без этого вычета волна слияний в 1980-х годах или мегаслияния 1990-х

годов никогда бы не состоялись. Помимо всего прочего, это действует как массивная прямая субсидия банковскому делу, увеличивая власть финансового капитала в корпоративной экономике до такого уровня, какого не было со времен эпохи Моргана.

Тесно связанной субсидией является освобождение от прироста капитала операций с ценными бумагами, участвующими в корпоративных слияниях (т.е. «обмен акциями») — даже несмотря на то, что премии обычно выплачиваются намного выше рыночной стоимости акций [*Mutual Banking*, стр. 11]. Налоговая реформа 1986 года включала положение, которое не позволяло корпорациям вычитать комиссионные инвестиционным банкам и консультантам, участвующим в выкупах с использованием заемных средств. Повышение минимальной заработной платы в 1996 году отменило это положение, за одним исключением: были отменены вычеты по процентам при выкупе акций сотрудниками [Джон Джудис, «*Bare Minimum*»].

Правые либертарианцы, такие как Ротбард, возражают против классификации налоговых расходов как субсидий. Предполагается, что налоговые деньги по праву принадлежат правительству, тогда как на самом деле правительство лишь позволяет себе сохранить то, что принадлежит ему по праву. Налоговый кодекс действительно несправедлив, но решение состоит в том, чтобы отменить налоги для всех, а не выравнивать кодекс [Ротбард, «*Власть и рынок*», стр. 104]. Это очень шаткий аргумент. Сторонники реформы налогового кодекса в 1980-х годах настаивали на том, что единственной законной целью налогообложения является получение дохода, а не предоставление пряников и кнутов ради социальной инженерии. И, если отбросить семантические придирки, нынешняя налоговая система была бы точно такой же, если бы мы начали с нулевых налоговых ставок, а затем ввели карательный налог только для тех, кто не занимается благоприятными видами деятельности. В любом случае, неравномерная налоговая политика дает конкурентное преимущество привилегированным отраслям.

Политические репрессии

Во времена необычного расцвета народного самосознания и мобилизации, когда капиталистическая система сталкивается с серьезными политическими угрозами, государство прибегает к репрессиям, пока опасность не минует. Гольдштейн рассказывает в книге *Political Repression in Modern America from 1870 to 1976* о крупных таких волнах в нашей стране — реакции на Хеймаркет и «красную угрозу» после мировых войн. Но волна репрессий, начавшаяся в 1970-х годах, хотя и была менее интенсивной, в уникальной степени была постоянно институционализирована.

До конца 1960-х годов перспективы элиты определялись общественным договором Нового курса Рузвельта. Корпоративное государство покупало стабильность и согласие населения на империалистическую эксплуатацию за рубежом, гарантируя среднему классу достойный уровень процветания и безопасности. В обмен на более высокую заработную плату профсоюзы обеспечивали контроль руководства над рабочими местами. Но начиная с эпохи Вьетнама, мышление элиты претерпело глубокие изменения.

Из опыта 1960-х годов они сделали вывод, что общественный договор потерпел крах. В ответ на антивоенные протесты и расовые беспорядки Линдон Джонсон и Ричард Никсон начали создавать институциональную основу для военного положения, чтобы убедиться, что в будущем с любыми подобными беспорядками можно будет справиться по-другому. Операция Джонсона GARDEN PLOT включала в себя внутреннее наблюдение со стороны военных, резервные планы сотрудничества военных с местной полицией в подавлении беспорядков во всех пятидесяти штатах, планы массовых превентивных задержаний и совместные учения полиции и регулярных вооруженных сил [Фрэнк Моралес, *U.S. Military Civil Disturbance Planning*]. Губернатор Рейган и его начальник Национальной гвардии Луис Джуффрида были горячими сторонниками учений GARDEN PLOT в Калифорнии. Рейган также был пионером в создании полувоенных отрядов SWAT, которые сегодня существуют в каждом крупном городе.

Волна диких забастовок в начале 1970-х годов показала, что организованный труд больше не может выполнять свою часть сделки, и что общественный договор должен быть пересмотрен. В то же время деловая пресса была наводнена статьями о надвигающейся «нехватке капитала» и призывами переключить ресурсы с потребления на накопление капитала. Они откровенно говорили, что ограничение реальной заработной платы будет трудно навязать обществу в существующих политических условиях [Гарри Бойт, *The Backyard Revolution*, стр. 13-16]. Подобные настроения были выражены С.П. Хантингтоном и другими в работе «Кризис демократии: об управляемости демократий» (доклад Трехсторонней комиссии — хороший показатель мышления элиты); они утверждали, что система рухнет от перегрузки спроса из-за избытка демократии.

Корпорации использовали весь спектр возможностей закона Тафта-Хартли по уничтожению профсоюзов, рискуя получить лишь незначительные штрафы от Национального управления по трудовым отношениям. Они резко увеличили управленческие ресурсы, направленные на наблюдение и контроль на рабочих местах, что было необходимо из-за недовольства стагнирующей заработной платой и растущей рабочей нагрузкой [Дэвид Гордон, *Fat and Mean*]. С 1970-х годов заработная плата как процент от добавленной стоимости резко снизилась; весь рост производительности труда был направлен на прибыль и инвестиции, а не на заработную плату. Нарращивание военной мощи в условиях холодной войны привело к дальнейшему перераспределению государственных ресурсов в пользу промышленности.

Ряд событий, таких как падение Сайгона, появление Движения неприсоединения и Нового международного экономического порядка, были восприняты как признаки того, что транснациональная корпоративная империя теряет контроль. Эскалация интервенции Рейгана в Центральной Америке была частичным ответом на это восприятие. Но более важно то, что Уругвайский раунд ГАТТ вырвал полную победу из пасти поражения; он положил конец всем препятствиям на пути ТНК к скупке целых экономик, запер Запад в монопольном контроле над современными технологиями и создал мировое правительство от лица глобальных корпораций.

Тем временем США, по словам Ричарда К. Мура, импортировали методы социального контроля с имперской периферии в ядро страны. С помощью войны с наркотиками и государства национальной безопасности аппарат репрессий продолжал расти. Нарковойна превратила Четвертую поправку в туалетную бумагу; гражданская конфискация с помощью тюремных стукачей дает полиции право красть имущество без предъявления обвинений — прибыльный источник средств для покупки вертолетов и кевларовых жилетов. SWAT привели к милитаризации местных полицейских сил, а перекрестная подготовка с военными привела к тому, что многие городские полицейские управления стали рассматривать местное население как врага [Диана Сесилия Вебер, *Warrior Cops*].

Приспешник Рейгана Джуффрида вновь стал главой Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям (FEMA), где он вместе с Оливером Нортон доработывал GARDEN PLOT. Норт, будучи связующим звеном Совета национальной безопасности США с FEMA в 1982-84 годах, разработал план «приостановления действия конституции в случае национального кризиса, такого как ядерная война, насильственное и широко распространенное внутреннее недовольство или национальная оппозиция военному вторжению США за рубежом» [Альфонсо Чарди, «*Reagan Aides and the „Secret“ Government*»]. GARDEN PLOT, что интересно, был реализован во время Лос-анджелесского бунта и в протестах против глобализации. Delta Force обеспечивала разведку и консультирование в этих местах и во время событий в Уэйко [Пол Розенберг, *The Empire Strikes Back*; Клод Коберн, *The Jackboot State*].

Еще одно нововведение — превратить всех, с кем ты имеешь дело, в полицейских агентов. Банки регулярно сообщают о «подозрительных» перемещениях наличных денег; в рамках программ «знай своего клиента» розничные торговцы информируют о покупках товаров, которые могут быть использованы для производства наркотиков; на библиотеки оказывается давление, чтобы они докладывали о читателях «подрив-

ных» книг; программа DARE [*направленная на предотвращение детской наркомании и преступности*] превращает детей в полицейских информаторов.

Компьютерные технологии расширили возможности слежки до оруэлловского уровня. Было обнаружено, что процессоры Pentium III встраивают идентификационные коды в каждый написанный на них документ. Полицейские экспериментируют с общественными камерами, цифровыми технологиями распознавания лиц и баз данных цифровых фотографий. Компания Image Data LLC, занимающаяся покупкой цифровых фотографий водительских прав во всех пятидесяти штатах, была разоблачена как прикрытие для спецслужб.

Заключение

Слишком трудно не привести Боба Новака и секретаря О’Нила для очередного пинка, но я не могу удержаться. «*Марксистская классовая война?*» «*Риторика баронов-грабителей?*» Ну, на приведенных выше страницах рассказывается о «классовой войне», которую ведут сами бароны-грабители. Если такие, как они, склонны визжать, как свиньи, когда мы говорим о классе, то это потому, что они попали в тупик. Но все визги в мире не изменят фактов.

Каково значение этих фактов для нашего движения? Общеизвестно, что манориальная экономика была основана на силе. Хотя вы никогда не увидите, чтобы этот вопрос рассматривал Милтон Фридман. Интеллектуально честные правые либертарианцы, такие как Ротбард, признают роль государства в создании европейского феодализма и американского рабства. Ротбард, делая очевидный вывод из этого факта, признал право крестьян или освобожденных рабов на захват своих «сорока акров и мула» без компенсации помещику.

Но мы видели, что промышленный капитализм, в той же степени, что и манориализм или рабство, был основан на силе. Как и его предшественники, капитализм не смог бы выжить ни на одном этапе своей истории без вмешательства государства. Государственные меры принуждения на каждом шагу лишали рабочих доступа к капиталу, заставляли их продавать свой труд на рынке и защищали центры экономической власти от опасностей свободного рынка. Снова цитируя Бенджамина Такера, можно сказать, что помещики и капиталисты не могут извлекать прибавочную стоимость из труда без помощи государства. Современный рабочий, как и раб или крепостной, является жертвой продолжающегося грабежа; он работает на предприятии, построенном из предыдущего украденного труда. По тем же принципам, которые Ротбард признавал в аграрной сфере, современный рабочий имеет все основания взять на себя прямой контроль над производством и оставить себе весь продукт своего труда.

В самом реальном смысле каждая субсидия и привилегия, описанная выше, является формой рабства. Рабство, проще говоря — это использование принуждения для того, чтобы жить за счет чужого труда. Например, рассмотрим работника, который платит 300 долларов в месяц за лекарство, находящееся под патентом, которое на свободном рынке стоило бы 30 долларов. Если ему платят \$15 в час, то восемнадцать часов, которые он работает каждый месяц, чтобы выплатить разницу — это рабство. Каждый час, потраченный на оплату ростовщичества по кредитной карте или ипотеке — это рабство. Часы, потраченные на оплату ненужных расходов на распределение и маркетинг (составляющих половину розничных цен) из-за субсидирования экономической централизации — это рабство. Каждый дополнительный час работы человека для удовлетворения своих потребностей, в то время как государство

склоняет чашу весов в пользу боссов и заставляет его продавать свой труд дешевле, чем он стоит — это рабство.

Все эти формы рабства вместе взятые, вероятно, составляют половину нашего рабочего времени. Если бы мы сохраняли полную стоимость нашего труда, то, вероятно, могли бы поддерживать текущий уровень потребления при двадцатичасовой рабочей неделе. Как сказал профсоюзный лидер Уильям Дадли Хейвуд, «на каждого человека, который получает доллар, ради которого он не потел, кто-то другой потел, чтобы произвести доллар, который он так и не получил».

Наше исследование также ставит под сомнение позицию «анархистского» социал-демократа Ноама Хомского, который печально известен своим различием между «видением» и «целями». Его долгосрочное видение — децентрализованное общество самоуправляющихся сообществ и рабочих мест, свободно объединенных в федерацию — традиционное анархистское видение. Однако его ближайшей целью является укрепление государства, чтобы разрушить «частные структуры власти», прежде чем анархизм может быть достигнут. Но если, как мы видели, капитализм зависит от государства, гарантирующего ему выживание, то из этого следует, что достаточно устранить статистические опоры капитализма. В письме от 4 сентября 1867 года Энгельс метко подытожил разницу между анархистами и государственными социалистами: «Они говорят: „упраздните государство, и капитал отправится к дьяволу“. Мы предлагаем обратное». В точку.

Источники

Morton S. Baratz. “Corporate Giants and the Power Structure,” in Richard Gillam, ed., *Power in Postwar America* (Boston: Little, Brown, and Co., 1971).

Harry C. Boyte. *The Backyard Revolution: Understanding the New Citizen Movement* (Philadelphia: Temple University Press, 1980).

Don Carney. “Dwayne’s World,” at http://www.motherjones.com/mother_jones/JA95/carney.html

Alfonso Chardy. “Reagan Aides and the ‘Secret’ Government” *Miami Herald* 5 July 1987, at http://www.totse.com/en/conspiracy/the_new_world_order/scrtgovt.html

Noam Chomsky. *Class Warfare: Interviews with David Barsamian* (Monroe, Maine: Common Courage Press, 1996)

Chomsky. How Free is the Free Market? *Resurgence* no. 173. http://www.oneworld.org/second_opinion/chomsky.html

Chomsky. *World Orders Old and New* (New York: Columbia University Press, 1998).

Citizens for Tax Justice. “GOP Leaders Distill Essence of Tax Plan: Surprise! It’s Corporate Welfare” 14 September 1999, at <http://www.ctj.org/pdf/corp0999.pdf>

Alexander Cockburn. “The Jackboot State: The War Came Home and We’re Losing It” *Counterpunch* 10 May 2000, at <http://www.counterpunch.org/jackboot.html>

Maurice Dobbs. *Studies in the Development of Capitalism* (London: Routledge and Kegan Paul, Ltd, 1963).

Gary Elkin. Benjamin Tucker—Anarchist or Capitalist? at http://flag.blackened.net/davo/anarchism/tucker/an_or_cap.html

Elkin. Mutual Banking. available through <http://www.subsitiu.com>

Friedrich Engels. Anti-Duhring. Marx and Engels, Collected Works v. 25 (New York: International Publishers, 1987).

Edgar Friedenberg. The Disposal of Liberty and Other Industrial Wastes (Garden City, N.Y.: Anchor, 1976).

Robert Goldstein. Political Repression in America: 1870 to the Present (Cambridge, New York: Schenkman Publishing Co', 1978).

David M. Gordon. Fat and Mean: The Corporate Squeeze of Working Americans and the Myth of Management Downsizing (New York: The Free Press, 1996).

William B. Greene. Mutual Banking (New York: Gordon Press, 1849, 1974).

Benjamin Grove. "Gibbons Backs Drug Monopoly Bill," Las Vegas Sun 18 February 2000, at <http://www.ahc.umn.edu/NewsAlert/Feb00/022100NewsAlert/44500.htm>

J.L. and Barbara Hammond. The Town Labourer (1760-1832) 2 vols. (London: Longmans, Green & Co., 1917)

Hammonds. The Village Labourer (1760-1832) (London: Longmans, Green & Co., 1913).

Michael Harrington. Socialism (New York: Bantam, 1970, 1972).

Harrington. The Twilight of Capitalism (Simon and Schuster, 1976).

Hearings on Global and Innovation-Based Competition. FTC, 29 November 1995, at <http://www.ftc.gov/opp/gc112195.pdf>

John Judis. "Bare Minimum: Goodies for the Rich Hidden in Wage Bill," The New Republic 28 October 1996, in Project Censored Yearbook 1997 (New York: Seven Stories Press, 1997).

Frank Kofsky. Harry S. Truman and the War Scare of 1948 (New York: St. Martin's Press, 1993).

Peter Kropotkin. Mutual Aid: A Factor of Evolution (New York: Doubleday, Page & Co., 1909).

William Lazonick. Business Organization and the Myth of the Market Economy (Cambridge University Press, 1991).

Lazonick. Competitive Advantage on the Shop Floor (Cambridge and London: Harvard University Press, 1990).

Chris Lewis. "Public Assets, Private Profits," Multinational Monitor, in Project Censored Yearbook 1994 (New York: Seven Stories Press, 1994).

Tiber Machan. "On Airports and Individual Rights," The Freeman: Ideas on Liberty. February 1999.

Steven A. Marglin. "What Do Bosses Do? The Origins and Functions of Hierarchy in Capitalist Production—Part I" Review of Radical Political Economics 6:2 (Summer 1974).

Karl Marx and Friedrich Engels. Capital vol. 1, Collected Works v. 35 (New York: International Publishers, 1996).

Seymour Melman. Profits Without Production. (New York: Alfred A. Knopf, 1983).

C. Wright Mills. The Power Elite (Oxford University Press, 1956, 2000).

David Montgomery. The Fall of the House of Labor (New York: Cambridge University Press, 1979).

Montgomery. *Workers Control in America* (New York: Cambridge University Press, 1979).

Richard K. Moore. "Escaping the Matrix" *Whole Earth* (Summer 2000).

Frank Morales. "U.S. Military Civil Disturbance Planning: The War at Home" *Covert Action Quarterly* 69, Spring-Summer 2000, at <http://infowar.net/warathome/warathome.html>

David F. Noble. *America By Design: Science, Technology, and the Rise of Corporate Capitalism* (New York: Alfred A. Knopf, 1977).

Noble. *Forces of Production: A Social History of Industrial Automation* (New York: Alfred A. Knopf, 1984).

Martin Khor Kok Peng. *The Uruguay Round and Third World Sovereignty* (Penang, Malaysia: Third World Network, 1990).

Chakravarthi Raghavan. *Recolonization: GATT, the Uruguay Round & the Third World* (Penang, Malaysia: Third World Network, 1990).

J. B. Robertson. *The Economics of Liberty*. (Mineapolis: Herman Kuehn, 1916).

Paul Rosenberg. "The Empire Strikes Back: Police Repression of Protest From Seattle to L.A." *L.A. Independent Media Center* 13 August 2000, at <http://www.r2kphilly.org/pdf/empire-strikes.pdf>

Murray Rothbard. "Confessions of a Right-Wing Liberal," in Henry J. Silverman, ed., *American Radical Thought* (Lexington, Mass.: D.C. Heath and Co., 1970).

Rothbard. *Man, Economy, and State: A Treatise on Economic Principles* (Los Angeles: Nash Publishing, 1952, 1970).

Rothbard. *Power and Market* (New York: New York University Press, 1977).

Adam Smith. *The Wealth of Nations*. Great Books edition (Encyclopedia Britannica, Inc., 1952).

Testimony of Chairman Alan Greenspan. U. S. Senate Committee on Banking, Housing, and Urban Affairs. 26 February 1997, at <http://www.federalreserve.gov/boarddocs/hh/1997/february/testimony/htm>

E. P. Thompson. *The Making of the English Working Class* (New York: Vintage, 1963, 1966).

Benjamin Tucker. *Instead of a Book, by a Man Too Busy to Write One* (New York: Haskell House Publishers, 1897 1969).

Immanuel Wallerstein. *Historical Capitalism* (London, New York: Verso, 1983).

Diane Cecilia Weber. "Warrior Cops: The Ominous Growth of Paramilitarism in American Police Departments" *Cato Briefing Paper No. 50*, 26 August 1999, at <http://www.cato.org/pubs/briefs/bp-050es.html>

Mark Zepezauer and Arthur Naiman. *Take the Rich Off Welfare* (Odonian Press/Common Courage Press, 1996).

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Кевин Карсон
Железный кулак за невидимой рукой
2001

c4ss.org

ru.anarchistlibraries.net